

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Николай Рубцов
(сценарий)

На черно-белом экране звездное небо. Гряда звезд первой величины. Их поочередное блистание, их импульсы сопровождаются строками великих русских поэтов. Это своеобразный камертон, это олицетворение самой поэзии в ее хронологическом, точнее живом, развитии, где «звезда с звездой говорит», и это одновременно обращение бессмертных пращуров к родной земле, к отчому краю, к своим потомкам, к поэтическому наследнику.

Первый высверк сопровождается строками Ломоносова:

*О, ваши дни благословенны!
Держайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.*

Блистание другой звезды — это Пушкин:

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

Следующая звезда — звезда Некрасова:

*Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ...*

Со звездной высоты наши глаза устремляются на землю. Открывается панорама зимней деревни. Крупно — деревенская изба. Взгляд застывает на

тусклых квадратах света, которые лежат на пред-
рассветном снегу. Сюда, в это пятно, опускается,
замедленно вращаясь, белое перо. Объектив кино-
камеры подводит нас к источнику света — окну. Ти-
шина. Ее взрывает плач новорожденного. Учащен-
ный стук человеческого сердца. К нему примыкает
пока еще невнятный стук копыт. Камера перемеща-
ется вдоль стены избы, показывая крупно венцы сру-
ба. И тут открывается снятый в упор огромный кон-
ский глаз. Несколько мгновений он глядит не ми-
гая. Объектив медленно отодвигается и клонится к
земле, открывая при этом голову, шею, конский
круп и ноги. Перед нами белый жеребец. Камера,
опущенная к земле, дает его величие, а черный фон
сруба подчеркивает рельефность. Конь нетерпеливо
бьет копытом. Его ржание оглашает окрестности.
Кинокамера отодвигается дальше. И тут из-за избы
открывается панорама сельского простора: засне-
женный луг, стога, возок с сеном, берег реки, баба у
прубуи, кромка далекого леса, откуда только что
появилось солнце. А за кадром слышится голос:

*Привет, Россия — родина моя!
Сильнее бурь, сильнее
всякой воли
Любовь к твоим овинам
у жнивья.
Любовь к тебе, изба
в лазурном поле.
За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивой
под оконцем...
Как миротворно
в горницу мою
По вечерам закатывалось
солнце!
Как весь простор,
небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем
и покоем,
И достославной веял*

*старинной,
И ликовал под ливнями
и зноем!...*

Весна. Кинокамера зафиксирована на той же самой точке, что и зимой, то есть возле избы. Переход от одного времени года к другому идет через солнце, которое к третьей строфе стиха затопляет экран. При этом приглушенный стук сердца и копыт вновь нарастает. К нему добавляется звон капли. Свет, заполняющий экран, становится объемней. Видны искрящийся поток талой воды, сосулька, свисающая с угла той же самой избы. Весенние дали. И музыка! Музыка мажорная, ликующая, звонкая! Объектив стремительно сопровождает поток капли, спешит вслед за ручейком. В ручейке — кораблик с паруском из тетради. От кораблика кинокамера перемещается к рукам и лицам деревенских ребят-шек. Улыбки, смех, брызги, шлепание ног, прерывистое дыхание бегущего мальчугана. Мы смотрим на всё его глазами. Из какофонии звуков возникает ломкий голос. Он как бы захлебывается от бега и восторга и первые слова произносит невнятно:

Я буду скакать по холмам задремавшей

отчизны,

*Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...
Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть в труде*

и за честность,

*И лучшую жницу, как знамя, в руках пронесил!
И быстро, как ласточка, мчался я в майском*

костюме

*На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом немолкнувшем*

шуме

Весенние воды, и бревна неслись по реке...

И тут обрыв. Обрыв реки. Обрыв речи. Перед нами — песчаный берег. На отмели — разбитая лод-

ка. В воде — отражение заречного погоста. А за кадром голос — тот же, юношеский, но тихий и печальный.

*Тихая моя родина!
Ива, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
— Где тут погост?
Вы не видели?
Сам я найти не могу.
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.*

(Неокрепшая человеческая душа ищет опоры, участия, доброго родительского благословения. Но это уже не дано — родные остались «на том берегу». Одной суждено, ошибаясь и путаясь, блуждать ей в поисках своей доли.)

На экране открывается широкая равнина. Над ней клубится одинокое облачко. Раздираемое ветром, оно несется, точно перекаати-поле, в неведомую даль, и мы вскоре теряем его. Лишь кромка горизонта остается перед глазами. До чего же необъятна эта земля. И как легко на ней затеряться...

Ветровое пространство гудит. Кажется, ничего нет живого, кроме ветра. Один только ветер. Но чу! Сквозь гудение воздушного потока доносится человеческий голос. Он выводит немного грустную песню. Песня приближается. А из-за горизонта появляется большая светлая птица.

*За морями, полными задора,
Я душою был нетерпелив, —
После дива сельского простора
Я открыл немало разных див.
Нахлобучив «мичманку» на брови,
Шел в театр, в контору, на причал.
Полный свежей юношеской крови,
Вновь, куда хотел, туда и мчал...
Но моя родимая земля
Надо мной удерживает власть, —*

*Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась...*

Светлая птица парит над нашими головами. Она медленно перелетает на «тот» берег — берег детства, берег родительской любви, берег разлуки, — а потом опять возвращается к нам. В сиянии речной излуки на миг мелькает ее отражение. Вглядитесь! Не это ли отражение Птицы Памяти в водах (не Леты — нет!), в животворных струях родной и вечной реки есть олицетворение самой Поэзии?

С высоты птичьего полета на экране открываются опушки лесов, луга, окраины деревни. Родная земля в пору лета...

(В ленте лето — второй круг бытия. Для осмысления образа Рубцова середина года — это синоним середины его жизни. На первой стадии преобладает чувственное отражение бытия, на более поздней — обращение к народной истории, к истокам, к живым хранителям старины, и отсюда — попытки осмысления прошлого и обращение к будущему.

Идет развитие человеческой жизни, идет развитие поэтической души. Здесь неизбежны потери и обретения, радости и отчаяние. А если учесть все слабые — раннее сиротство, жизненную неустроенность, скудость деревенского быта, — кого удивит, почему в поэзии Рубцова нередко возникают печальные мотивы. Это не поза, не нарочитость. Это отклик трепетной и легкоранимой поэтической души.)

На экране сенокос. Вжикают косы. Стрекогут кузнечики. Стрекочет конная сенокосилка. Пот. Загорелые мужские руки. Девичьи глаза. Стога. Шутливые купания в сене. Смех. Снова работа. Пот. Овода. Комарье. Потом обед у костерка. Бутылки с молоком. Хлеб с солью.

(Просты реалии сельской страды, однако не беспечны. Это прежде всего тяжелый, а то и изнурительный труд. Радостью полнится крестьянское сердце, когда приближается конец этой поры. Сено поставлено — значит, зима не застанет врасплох. Но ведь и грусть охватывает иногда. Золотое времечко лета кончается. Никакой другой месяц года не на-

поминает о краткости и преходящести человеческого бытия, как, пожалуй, август.)

Солнце клонится к опушке. На экране тот же луг. Он уже наполовину скошен. Длинные тени от стогов ложатся на кромку покоса. И на фоне этого пейзажа слышится голос:

*Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом
Один или с хорошим давним другом,
Который сам не терпит суеты.
За нами шум и пыльные хвосты —
Все улеглось! Одно осталось ясно —
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы.
Остановившись в медленном пути,
Смотрю, как день, играя, расцветает.
Но даже здесь... чего-то не хватает...
Недостает того, что не найти.*

Пейзаж неторопливо меняется, вторя картине следующего стихотворения, а само оно как бы продолжает предыдущее, пытаясь рассеять его сомнения и вопросы.

*Когда приютит задремавшее стадо
Семейство берез на холме за рекой,
Пастух, наблюдая игру листопада,
Лениво сидит и болтает ногой.*

.....

— Старик! А давно ли ты ходишь за стадом?

— Давно, — говорит. — Колокольня вдали.

Деревни ещё оглашала набатом,
И ночью светились в домах фитили.

— А ты не заметил, как годы прошли?

— Заметил, заметил! Попало как надо.

— Так что же нам делать, узнать интересно...

— А ты, — говорит, — полюби и жалея,

И помни хотя бы родную окрестность,

Вот этот десяток холмов и полей...

Близится осень. Осень года. Осень человеческой жизни.

(Начинается третий, наиболее драматический круг ленты. Социально направленная поэзия, гражданские мотивы творчества Рубцова живо перекликаются с поэзией великих предшественников.)

Кинокамера захватывает часть луга, устремляется к излучине реки, которую пересекает солнечная дорожка, и открывает в конце ее храм. Глаза наши устремляются туда, останавливаются на стенах и главках собора, переходят на небеса, в которых вьется большая стая готовящихся к перелету птиц, замечают тяжелую клубящуюся тучу. В тишине раздаются тревожное блеяние овцы, мычание коровы, всхрап коня.

Взгляд наш стремительно срывается с небес к луже, в которой отражается изба. Шлепаются первые капли дождя. Лужа пузырится, рябит от ветра. Зябко. Кинокамера невольно тянется к окну. За полуприкрытыми занавесками виднеется огонь русской печи.

Мы — в избе. Постояли возле устья. Немного согрелись. И вслед за кинокамерой стали оглядываться... Ухват, помело, чугунные горшки, крынки, самовар, стол, лавка... — нехитрые предметы деревенского быта. В красном углу рядом с иконкой — семейные фотографии. Вглядишься, всмотришься в этот киот — тут вся наша недалекая история.

*Как много желтых снимков
на Руси*

*В такой простой и бережной
оправе!*

*И вдруг открылся мне
И поразил*

*Сиротский смысл семейных
фотографий:*

*Огнем, враждой
Земля полным-полна,
И близких всех душа*

не позабудет...

*— Скажи, родимый,
Будет ли война? —*

*В крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батья...
Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот из у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!*

Вечерний перрон. Последние минуты перед отходом эшелона. Стриженные макушки парней. Они напоминают головки цветов, вокруг которых лепестками родные и близкие. Звучат напутствия, обещания, советы. Мелькают строгие глаза отца, тревожные — матери, зареванные — девчонки...

Меж стайками людей появляется человек с гитарой. Его пальцы опускаются на струны. Раздается прощальный аккорд. Камера устремляется к лицу матери. Глаза ее вспыхивают страхом: ее сын, ее мальчик, ее кровиночка, уходит в неизвестность. И она судорожно, не в силах оторваться, все гладит и гладит его плечо. А песня нарастает.

*Меж болотных стволов красовался восток
огнеликий...*

*Вот наступит октябрь — и покажутся
вдруг журавли!*

*И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым
вдали...*

*Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказания древних страниц.
Все, что есть на душе, до конца выражает
рыданье*

*И высокий полет этих гордых прославленных
птиц.*

*Широко на Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей —
Это выразят все, как сказанье, небесные звуки,*

